

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается имперская идеология как система коммуникаций. На примере Британской империи автор показывает процессы формирования идеологии как единой системы логических понятий, художественных образов, этических норм и ценностей. Успешное формирование британской интеллектуальной элитой единой имперской идеологии обеспечило эффективное коммуникативное взаимодействие элит метрополии и колониальной периферии. Имперская система коммуникаций стала основой стабильного развития империи и эффективного регулирования внутриимперских конфликтов.

Ключевые слова: имперская идеология, политическая коммуникация, интерпретация, элиты, Британская империя, Индия, колонии.

Abstract. This article describes imperial ideology as system of communications. Author demonstrated on example of the British empire the processes of formation of ideology as integrating system of logical notions, artistical images, ethical norms and values. Successfully formation by British intellectual elite integrate imperial ideology provided effective communicative interaction of elites of metropoly and colonial periphery. The imperial system of communication becomes the base of stable development of empire and effective regulating inter imperial conflicts.

Keywords: imperial ideology, political communication, interpretation, elites, British empire, India, colonies.

В начале XXI в., в условиях нарастающей дестабилизации системы международных отношений и кризиса национальных государств как основных форм политической организации человеческих сообществ, как у отечественных, так и у иностранных исследователей растет интерес к иным формам государственности и межгосударственных (международных) отношений. Исследуя различные формы государственности, трудно игнорировать империи, которые на протяжении всей истории человечества выполняли задачи объединения различных народов и организации больших территорий в рамках единых государств [1–3].

В сравнении с региональными империями Древнего мира, Вавилонской, Ассирийской, Римской и другими, европейские империи Нового времени приобрели глобальный масштаб, создав семиотические и технические системы, которые впервые объединили человечество в единое сообщество. Ведущие позиции в процессах глобализации Нового времени по праву занимала Британская империя, «над которой никогда не заходило солнце». В XVII–XIX вв. в ходе модернизации технологий транспорта и связи в Британской империи качественно увеличился объем передаваемой информации, что сместило «центр тяжести» с процессов производства материальных ресурсов на процессы управления их использованием. В процессе территориального расширения и усложнения структуры империи, с одной стороны, растет количество субъектов имперских коммуникаций, а с другой – увеличивается их культурное и цивилизационное разнообразие.

В ходе имперской экспансии и колонизации на всех континентах британская элита проводила целенаправленную политику создания единой системы коммуникаций, которая включала в качестве своих подсистем политические, экономические и социальные институты, средства транспорта и связи, а также образовательные учреждения и средства массовой информации. Британцы никогда не смогли бы контролировать огромные и труднодоступные для европейцев пространства Азии и Африки исключительно военно-силовыми методами, без помощи местных англоязычных элит. Лояльность как элит, так и всего населения колоний к метрополии при создании системы имперской эксплуатации местных ресурсов была обеспечена через распространение представлений о достоинствах англосаксонской цивилизации как единственном пути к материальному богатству, справедливому и гуманному общественному устройству.

Среди многочисленных проблем теории и истории Британской империи особое значение занимает проблема формирования и функционирования имперской идеологии как системообразующего элемента политического сознания имперского социума. Имперская идеология выполняла функции консолидации метрополии и колониальной периферии в процессе коммуникативного взаимодействия между элитами и массами различных территориальных сегментов империй. В процессе формирования имперской идеологии интеллектуальная элита метрополии создавала теоретическую концепцию, обосновывающую ее доминирование в экономическом, политическом и социокультурном пространствах империи. Для имперской элиты основанием доминирования над периферией являлась способность сформулировать аргументированные представления об идеальном состоянии общества и государства в настоящем и об их оптимальных перспективах развития в будущем.

Имперская идеология является одним из элементов государственной «символической политики» как «особого рода политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов». События, действия или объекты, приобретающие значения символов, отличаются эмоциональной насыщенностью и в коммуникативных процессах играют роль «клеястера», привлекающего внимание массовой аудитории, изменяющего ее ценностные ориентации и формирующего мотивацию. Символизация означает придание элементам окружающей действительности «качеств безграничных феноменов» и создает стандарт «эстетизации повседневности». Это обеспечивает функционирование механизма государственной пропаганды, который использует институты массовой культуры. Символическая визуальная информация меняет «традиционно-книжный дискурс на мозаично-иконографическую образность. Техника рационально-риторического «уговаривания» публики сменяется визуальной суггестией и рекламным «соблазном» [4, с. 62–63].

Политическая символика как «форма непрямого и семантически текущего изображения» является эффективным инструментом интеграции и мобилизации больших человеческих коллективов. Мобилизационные идеологии абсолютно необходимы в критических ситуациях серьезных внешних угроз и опасностей. Эстетизированная информация оказывает воздействие на подсознание реципиентов, преодолевает «когнитивный иммунитет» к негативным эмпирическим фактам и рациональным аргументам. Суггестивный потенциал «иконических знаков» (Ч. Пирс) основывается на том, что они соединяют

фикции и реальность, «определяя смыслы под видом их восприятия как чувственно данных предметов». Они формируют ценности и мотивы без рационально-логического формулирования их смыслов.

В своей символической политике имперская идеология приобретает особенно мощный пропагандистский эффект благодаря использованию эстетически привлекательных символов «орлов и знамен», экзотических путешествий и подвигов в «землях неизвестных». Такая информация вызывает мощные эмоциональные реакции («джинго-истерию»), которые игнорируют противоречивость внушаемой информации. Она обеспечивает главное условие индивидуальных или коллективных действий с предельной мотивацией, включающей самопожертвование – «смысловую ясность относительно вещей, которые внушают страх» [4, с. 65–67].

В процессе своего накопления и эстетического совершенствования политическая символика постепенно приобретает качество «символического капитала» и начинает влиять на социальную и политическую институционализацию. Универсальные схемы логических принципов и этических ценностей становятся матрицами политических институтов. Институционализация выражается в процессах «образования специфического набора легитимных социальных норм и правил (функциональных кодов), задающих контекст человеческого существования и взаимодействия» [5, с. 40–45; 6].

Сформированные британской элитой идеологические конструкции становились основами единого и общепринятого понимания смысла научных понятий и художественных образов, помогали выработать единые критерии оценки различных ситуаций. Такая идеология формировала и фиксировала конфигурацию мировоззрения, систему координат в восприятии окружающего мира, т.е. организовывала и обеспечивала действие единого типа интерпретации социально значимой информации [7, с. 56–58].

Необходимым условием эффективности функционирования имперской идеологии являлась эффективность функционирования всей системы имперских коммуникаций. Структура коммуникации как процесса социального взаимодействия включала двух или более участников (коммуникантов) в различных элементах империи, в метрополии и в различных колониях, которые владели общими нормами семиотической системы, т.е. единым языком, общей системой смыслов и значений. Имперские политические коммуникации отличались иерархическими отношениями коммуникантов. Коммуникатор, т.е. передатчик информации из метрополии, доминировал над реципиентом, т.е. приемником информации на колониальной периферии. Они различались по своему политическому статусу, экономическим интересам, кодам символизации, идеологическим и психологическим установкам. Поэтому между ними постоянно возникали конфликты ценностей и интересов. Для достижения успеха в конфликтных ситуациях коммуниканты обычно стремились активизировать свои публичные дискурсы, обращенные к массовым аудиториям, и перейти от техники убеждения к технике внушения, т.е. к манипулированию поведением реципиента. Это закономерно вызывало демонизацию имиджа оппонента и эскалацию конфликтов, их переход из пропагандистско-идеологических в экономические и военно-политические формы. В итоге в империи возникали центробежные тенденции, а в крайней форме – национально-освободительные движения, угрожающие распадом империи [8, с. 7, 14–16].

Британская элита стремилась избежать подобных негативных явлений через повышение степени эффективности коммуникативного взаимодействия в проблемных ситуациях, которые коммуниканты стремились осмыслить, понять, чтобы найти взаимоприемлемое решение. Важнейшей предпосылкой эффективности взаимодействия элит британской метрополии и колониальной периферии была точность и адекватность взаимопонимания, единая «система координат» в мышлении и поведении. Это единство можно было обеспечить через создание общеимперской семиотической системы как совокупности текстов (знаковых систем), выражающих единые смыслы сходных ситуаций для всех участников коммуникационного процесса. Такие тексты распространялись в средствах массовой информации, учебных заведениях, а также передавались с помощью технических средств транспорта и связи – морского флота, железных дорог, почты, телеграфа и т.д. Содержание коммуникации включало деятельность по созданию (конструкции) текстов, по их передаче и затем по реконструкции (интерпретации) их содержания и смысла.

Интерпретация как искусство «толкования» окружающей действительности индивидом в гносеологии Аристотеля есть суть герменевтики (*Ἡρμενευτική*), тождественной всему значимому культурному дискурсу как искусству «называния мира». При этом культурная символика становилась основой политической символики. Имя-символ не механически присоединялось к образу в качестве внешнего знака, а отражало методику индивидуального познания мира, формируя принципы мышления, анализа и синтеза явлений, выделения причин и следствий [9, с. 18–23].

В неокантианской концепции В. Дильтея и Г. Риккерта интерпретация – это понимание смысла текста, как реконструкция в сознании понимающего (читателя) соотношения понимаемого действия или события с той ценностью, которое выступило исходным мотивом (импульсом) для знакомства с данным текстом. При этом неизбежно возникает различие индивидуальных интерпретаций одного текста, которое затрудняет обеспечение совместимости семиотических систем коммуникантов в рамках единого социума. Многократно сложнее обеспечить единое понимание смысла текстов (действий или событий) коммуникантами, которые принадлежат к различным социумам с различными культурными контекстами (системами ценностей). Различие, а часто и противоположность экономических и политических интересов представителей метрополии и колоний, их принадлежность к различным этнонациональным и конфессиональным общностям обычно создавали ситуации «конфликта интерпретаций», взаимного непонимания, вплоть до ксенофобии и конфликтов.

Э. Холл и Д. Трагер в своей работе «Культура как коммуникация» (1954) ввели понятие межкультурной коммуникации. Эти авторы понимали этнонациональную культуру как семиотическую систему, включающую систему ценностных ориентаций, стереотипов сознания и поведения, форм общения и взаимодействия определенного общества. Осуществление межкультурной коммуникации означает создание смыслового и информационного поля, в рамках которого возможно адекватное мировосприятие и миропонимание участников коммуникационных актов, принадлежащих к различным этнонациональным культурам.

В общеимперской системе межкультурных коммуникаций было необходимо сформировать единое идеологизированное смысловое поле, на основе

которого интеллектуальная элита метрополии обеспечивала взаимопонимание коммуникантов через совместимость когнитивных смыслов и этических ценностей. Успешное взаимопонимание в рамках имперской экспансии и выстраивания иерархической системы отношений было возможно только при навязывании подчиненным социумам собственных норм поведения и правил структурирования реальности. Но это подчинение не означало тотального подавления периферийных культур. Британская интеллектуальная элита с ее глобальным масштабом мировосприятия была способна перейти в другое социокультурное, этническое и конфессиональное измерение, изучить культуры подчиненных народов и приспособить их к имперской идеологической системе.

Главная проблема заключалась в невозможности полной замены местной традиционной культуры на модернизированную британскую. Формирование логических понятий индивидом, как в европейских, так и в афроазиатских культурах осуществлялась при непосредственном влиянии иррациональных факторов – эстетических фантазий, эмоциональных оценок и моральных норм. Культура является не только предметным, но и символическим универсумом, т.е. совокупностью абстрактных научных схем, лингвистических структур, художественных образов, мифологических символов и ритуалов. В межкультурной коммуникации понимание, в отличие от объяснения, есть рационально-логическая реконструкция одним индивидом иррациональных процессов мышления другого индивида. В рамках социокультурной системы любого территориального сообщества (империи, национального государства, локального общества и т.д.) возникает уникальный «культурный код», или алгоритм, определяющий пространственно-временную конфигурацию культурных архетипов как типов поведенческих образцов, выражающихся в устойчивых формализованных ритуалах и символах [9, с. 9–12, 14, 25].

И. А. Василенко выделяет два варианта сопротивления периферийных элит, т.е. их «ответов» на «вызовы» экспансионистской державы. «Зелотизм» предполагал изоляцию от врагов, сохранение местных традиций и максимальной межкультурной дистанции в надежде на получение божественной благодати и сверхъестественное спасение от врагов. «Иродианство», напротив, предполагало отказ от архаичных нежизнеспособных традиций, поиск общего языка и заимствование передовых достижений своих противников [9, с. 36].

Чтобы преодолеть «зелотистские реакции» периферийных элит, в Британской империи последовательно и планомерно проводилась политика аккультурации, т.е. взаимное влияние и обмен ценностями и нормами коммуникантов. Аккультурация давала различные результаты. В случае ассимиляции происходило замещение культуры реципиента (колониальной периферии) культурой коммуникатора (метрополии) и возникала полностью англоязычная прослойка местной элиты, оторванная от основных масс населения. В случае адаптации культура элиты частично изменялась, и она начинала выполнять роль посредника между британской имперской бюрократией и местным традиционным населением. В случае провала аккультурации местная культура полностью сохранялась, консервировалась и отторгала чужеродные элементы. В этом случае британская метрополия обычно применяла тактику силового давления и принудительного «взлома» подобных изолированных обществ. После включения таких обществ в империю они, как правило, пла-

тили за свое стремление к независимости и изоляции ущемлением в правах, дискриминацией и сегрегацией.

Силовое разрушение подчиненных обществ угрожало их маргинализацией, деградацией экономического базиса, социальных и политических институтов, кризисом локальной личностной и групповой идентичности при неспособности перейти к общеимперскому типу идентичности. Следовательно, оптимальным вариантом имперской культурной политики является интеграция как синтез имперской и локальных культур в единой системе коммуникаций. Главными условиями успеха интеграционной политики со стороны метрополии являются постепенность внедрения имперской культуры, избегание опасности психологического шока и отторжения. В свою очередь, колониальная периферия должна обладать достаточно дифференцированной и гибкой культурой, чтобы адаптировать новации и сохранить при этом целостность ее структуры [10, с. 582–592].

Основными социальными механизмами британской культурной экспансии как однонаправленного универсалистского культуртрегерства и как распространения имперских символов, смыслов и ценностей являлись войны, торговля, миграции, миссионерство и научно-образовательные контакты. На поздних стадиях развития Британской империи, по мере выравнивания уровней развития центра и периферии, в рамках сформировавшейся системы имперских коммуникаций наряду с однонаправленными появляются и развиваются многонаправленные межкультурные коммуникации. Афро-азиатские элиты в коронных колониях стремились заимствовать в имперской культуре те элементы, которые близки и совместимы с их собственными культурами. Это позволяло местным элитам включиться в состав имперской бюрократии, повысить материальное благосостояние, социальный престиж и политическое влияние. Заимствование имперской культуры включало, с одной стороны, рациональный расчет выгод и потерь, а с другой – стихийное эмоциональное подражание «хозяевам».

Местные элиты начинали включаться в процессы межкультурных коммуникаций с изучения английского языка народа – «строителя империи». Единый имперский язык формировал единую социокультурную среду имперских коммуникаций и создавал предпосылки взаимного понимания как интерпретационного процесса в контактах различных этнонациональных и профессиональных групп [10, с. 594–596].

Б. С. Ерасов видит основную проблему понимания европейской метрополией афро-азиатской периферии, как другой цивилизации, как «постигающее вхождение в культуру... сопереживание, вживание» в нее, как в текст. В результате этого происходит саморазвертывание смыслового поля другой цивилизации как системы культурных символов, преодоление исторической дистанции между коммуникантами без нарушения специфики, «воссоздание объекта в его подлинности и уникальности» [11, с. 42].

В результате коммуникативного взаимодействия метрополии и колоний в Британской империи возникала иерархичная и мозаичная идеология, которая не могла развиваться бесконфликтно. При неизбежном сохранении различий в системах ценностей и при низком уровне консенсуса в оценках различных ситуаций политических элит метрополии и колоний был неизбежен рост центробежных тенденций, развитие сепаратистских и националистических движений. В мозаике имперской культуры можно выделить полярно

противоположные оценки имперской политики. Для британских интеллектуалов это была законная цивилизаторская миссия, несущая мир и порядок в хаос варварства и насилия. Для индийцев или африканцев это были преступные завоевания с целью грабежа богатств, посягательства на права и свободы покоренных народов.

В течение всей истории Британской империи элита метрополии вела постоянную идеологическую борьбу за свою интерпретацию прошлого, настоящего и будущего империи. Наиболее ярким примером такой борьбы является британская политика в Индии, «жемчужине Британской короны». Экономические ресурсы Индии были основой Британской империи, но Великобритания не могла чисто военными средствами удержать в подчинении эту страну, с ее огромной территорией и населением. Это было возможно только при создании лояльной индийской элиты, прошедшей через школу аккультурации и готовой на «иродианскую» политику. Британская администрация в Индии начала работу по формированию общеимперской системы коммуникаций и распространению общеимперской идеологии еще до окончания военного подчинения Индостана.

В соответствии с Актом об управлении Индией 1773 г. деятельность Ост-индской кампании была поставлена под контроль британского парламента. В 1833 г. был введен принцип равенства европейцев и индийцев при назначении на должности в компании. В 1835 г. по проекту Т. Маколей была проведена реформа системы образования. В административных центрах индийских президентств, Бомбее, Мадрасе и Калькутте, создавались университеты как для детей британцев, так и для местного населения, в которых преподаватели обучали студентов по единым программам с Оксфордским и Кембриджским университетами. Кроме того, студенты из Индии зачислялись в британские учебные заведения на равных основаниях с уроженцами Туманного Альбиона. С 1854 г. индийцы, получившие образование британского типа, могли претендовать на место в государственном аппарате (Индийской гражданской службе) и таким образом входили в состав общеимперской элиты [12, с. 134–135].

Т. Маколей определял смысл своей реформы как создание англо-индийской элиты, которая сможет выполнить роль посредника в коммуникативном взаимодействии британской администрации и индийского населения. «Нечего пытаться просвещать народные массы. Но мы должны приложить все усилия, чтобы создать прослойку, которая могла бы служить посредником между англичанами и миллионами индийцев, подвластных англичанам; прослойку – индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусу, взглядам, морали и складу ума» [13, с. 300].

Представитель новой англизированной индийской элиты и один из лидеров индусской реформаторской организации «Брахмо самадж» Протар Чандер Мозумдар подтвердил успехи британской политики в Индии. Британское правление «объединило великое множество индийских рас в растущем чувстве национальности под властью одного правительства, с определенными законами и бесценным даром английского языка». П. Ч. Мозумдар благодарен британцам за распространение в Индии принципов веротерпимости, гуманизма и демократии. При неизбежном различии мировоззрения, материальных интересов и духовных ориентиров он надеется на улучшение взаимо-

понимания. «Мы смотрим вперед, в день, когда христианские миссионеры и индуские реформаторы сформируют братство, различающееся по своей теологии, но единое по духу, целям и инспирированию гуманности Иисуса Христа и Бога Отца... Англия представляет западный характер, цивилизацию, будущее, а Индия – восточное воображение, культуру, импульсы. Приближением Англии к Индии и их связями Запад и Восток образуют провиденциальный союз. Когда создание этого союза будет завершено, Восток и Запад создадут разные овчарни для великого Пастуха и нации восхода и захода солнца вступят в великий дом Всеобщего Отца, чтобы жить во всевозрастающем мире и прогрессе» [14, р. 997–1000].

В ходе развития Британской империи интеллектуальная элита прилагала значительные усилия и в целом успешно формировала идеологические конструкции, которые стали основой единого имперского дискурса для элит Великобритании и афро-азиатских колоний. Британские интеллектуалы смогли преодолеть естественные барьеры между этнонациональными культурами и сформировать единую систему ценностей, смыслов и значений. Это стало главным условием налаживания диалога между элитами метрополии и колоний, обеспечения необходимого уровня взаимопонимания, эффективности в поиске консенсуса и взаимоприемлемых решений в конфликтных ситуациях.

Список литературы

1. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред.: Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.
2. **Ливен, Д.** Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен. – М. : Европа, 2007. – 688 с.
3. **Motyl, A. J.** Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires / A. J. Motyl. – N. Y. : Columbia University Press, 2001. – 214 p.
4. **Поцелуев, С. П.** Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // Полис. – 1999. – № 5. – С. 61–68.
5. **Завершинский, К. Ф.** Методологическая комплементарность в исследовании символических матриц динамики политических институтов / К. Ф. Завершинский // Полис. – 2003. – № 1. – С. 39–46.
6. **Бурдые, П.** Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – СПб. : Алетейя, 2005. – 576 с.
7. **Манхейм, К.** Идеология и утопия / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М. : Юрист, 1994. – С. 7–276.
8. **Соловьев, А. И.** Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев // Полис. – 2002. – № 3. – С. 7–16.
9. **Василенко, И. А.** Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства / И. А. Василенко. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 272 с.
10. Основы теории коммуникации / под ред. проф. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 2005. – 615 с.
11. **Ерасов, Б. С.** Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М. : Наука, 2002. – 524 с.
12. **Богомолов, С. А.** Государственное управление в империях: Великобритания и Россия в XVI–XIX веках / С. А. Богомолов. – Ульяновск : УлГУ, 2007. – 335 с.
13. Всемирная история : в 10 т. – М. : Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959. – Т. VI. – 832 с.
14. **Mozoomdar, P. C.** Present-day Progress in India / P.C. Mozoomdar // The Nineteenth Century. – 1900. – № 286. – P. 993–1000.

Богомолов Сергей Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права, Ульяновский государственный
университет

E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Bogomolov Sergey Alexandrovich
Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history
and theory of the state and law,
Ulyanovsk State University

УДК 32:93/94

Богомолов, С. А.

Имперская идеология как система коммуникаций / С. А. Богомолов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 19–27.